

DOI: 10.25178/nit.2020.1.9

Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях*

Менги В. Ондар

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье проанализированы устаревшие слова в текстах тувинских героических сказаний (ТГС). Считается, что эпические тексты являются древними, архаичными. Несмотря свою древность, язык героических сказаний периодически обновляется, развивается в соответствии с изменяющимися процессами в языке этноса.

Источниками исследования послужили тексты ТГС в общем количестве 38 единиц, опубликованные в разных сборниках, а в настоящее время составляющие отдельную базу данных Электронного корпуса тувинского языка (<http://www.tuvan Corpus.ru/>).

Собранный материал показывает, что устаревшие слова в текстах ТГС распределяются по следующим тематическим группам: названия титула и статуса персонажей; названия военного оружия и атрибутики героя; названия предметов быта; названия частей тела человека. Было выявлено 13 архаизмов и 9 историзмов. Из них 10 единиц являются монголизмами, остальные имеют тюркское происхождение. Отдельные устаревшие слова из этих групп в настоящее время вновь возвращаются в разряд активной лексики тувинского языка, обретая новое значение.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинцы; тувинский фольклор; тувинские героические сказания; героическое сказание; устаревшая лексика; архаизм; историзм

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки РФ № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Для цитирования:

Ондар М. В. Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/909> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.9

Ондар Менги Васильевна — аспирант кафедры тувинской филологии и общего языкознания, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9. Тел.: +7 (394-22) 5-22-50. Эл. адрес: mengi89@yandex.ru. Научный руководитель — д. филол. н. М. В. Бавуу-Сюрюн.

Ondar Mengi Vasilyevna, Post-Graduate Student, Department of Tuvan Philology and General linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9 Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (394-22) 5-22-50. E-mail: mengi89@yandex.ru. Research supervisor — M. V. Bavuu-Surun, Doctor of Philology.

Archaic words in Tuvan heroic legends*

Mengi V. Ondar

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes outdated words in the texts of Tuvan heroic tales. Epic tales are usually believed to be very old, and their language archaic. But despite its antiquity, the language of heroic tales is periodically updated and developed in accordance with changing processes in the language of the ethnic group preserving these tales.

The sources of the study 38 Tuvan heroic tales originally published in different collections. They have recently been organized into a separate database within the Electronic corpus of the Tuvan language (<http://www.tuvancorpus.ru/>).

The collected material shows that outdated words in Tuvan heroic tales are divided into the following thematic groups: words referring to the character's title or status; names of military weapons and attributes of the hero; words referring to household items; and names of human body parts. Our analysis revealed 13 archaisms and 9 historicisms, of which 10 are Mongolian borrowings, and the rest are of Turkic origin. Some obsolete words from these groups are now returning to active vocabulary of the Tuvan language, having acquired a new meaning.

Keywords: *Tuvan language; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan heroic tale; heroic tales; outdated vocabulary; archaism; historicism*

**The work was performed in accordance with the research plan of the State task of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation No. 1.4539.2017/8.9 (project No. 34.3876.2017/PCH).*

For citation:

Ondar M. V. Archaic words in Tuvan heroic legends. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/909> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.9

Введение

Эпические тексты, в том числе тексты героических сказаний (далее — ТГС) тувинцев, как объект исследования привлекали внимание ученых с давних времен. Их изучению с точки зрения фольклористики посвящены научные труды Л. В. Гребнева (Гребнев, 1960), С. М. Орус-оол (Орус-оол, 2001). На материале разных произведений ТГС написаны отдельные статьи Л. А. Шаминой (Шамина, 2006, 2019), А. В. Байыр-оол (Байыр-оол, 2013), Л. К. Хертек (Хертек, 2015ab), А. Б. Хертек (Хертек, 2015).

Однако вопрос об изучении лексики героических сказаний остается актуальным в связи с составлением различных словарей тувинского языка.

Как отмечает И. В. Кормушин, «язык эпических произведений, содержит множество архаических элементов, по основным признакам является современным..., рассчитанное на слушателя, т. е. современника, эпическое произведение должно быть ему понятно в деталях и нюансах» (Кормушин, 2015: 22). Согласно ему, язык эпических произведений, переходя от одного поколения к другому поколению, все время подвергается изменениям и обновлениям, вследствие чего тексты сказаний становятся понятными современному слушателю.

Настоящая работа посвящена выявлению и изучению устаревших слов в языке тувинских героических сказаний. Они были собраны из текстов ТГС, составляющих отдельную базу данных Электронного корпуса тувинского языка (<http://www.tuvancorpus.ru/?q=node/25>). Этот раздел корпуса сам был собран автором настоящей статьи в 2018–2019 гг., он состоит из 38 текстов, опубликованных в разных сборниках. Тексты переведены в электронный формат и снабжены метаданными.

Как отмечает Н. М. Шанский, устаревшие слова делятся на архаизмы и историзмы (Шанский, 1972: 141). Историзмы употребляются при описании событий прошлого в целях достижения более достоверного изображения действительности «слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т. д. мы прибегаем к историзмам, так как в современном литературном языке они синонимов не имеют» (там же: 148). В свою очередь, архаизмы «обязательно должны иметь в современном литературном языке синонимы, являющиеся словами активного употребления» (там же).

Собранные нами архаизмы и историзмы делятся на следующие тематические группы: названия титула и статуса персонажей; названия военного оружия и атрибутики героя; названия предметов быта; названия частей тела человека.

Названия титулов и статуса персонажей

Как правило, сюжету эпических произведений свойственны героические подвиги главного персонажа. Он встречается на своем пути противников, имеющих разные титулы. Поэтому 9 единиц устаревшей лексики в текстах ТГС представляет собой названия титулов и статуса персонажей.

Рассмотрим их в алфавитном порядке.

Архаизмы

Авыгай. Общетюркское слово, отмеченное в древнетюркском языке. С. Э. Севортыян отмечает, что слово *апакай* ~ *афакай* — производная основа, которую можно расчленивать на *ана* + *-кай*. Элемент *ана* в тюркских языках имеет значение ‘мать’, а аффикс — *кай* имеет уменьшительно-ласкательное значение (Севортыян, 1974: 205). По данным же тувинских словарей, слово передает значение ‘почтенный человек, господин, госпожа’ (Толковый словарь ..., 2003: 57; Татаринцев, 2000: 45). Согласно Б. И. Татаринцеву, соответствия тув. *авагай* ~ *авыгай* имеются в некоторых тюркских языках, в том числе — *апакай*, *абакай* и т. д., со значениями ‘тетя’, ‘жена, супруга’, ‘знатная женщина’. Далее автор приходит к выводу, что «тюркская основа *апакай* образовалась под влиянием монгольской *абагай* ‘госпожа’» (Татаринцев, 2000: 45). Здесь же отмечается, что первая часть монгольских слов *абагай*, *аба* исторически имеет и «мужское» значение и иногда *абагай* употребляется вместо *абугай* / *авгай*, которое служит формой почтительного обращения к старшему (по возрасту, положению) (Татаринцев, 2000: 206).

В текстах ТГС слово *авыгай* передает и «женское», и «мужское» значения ‘господин, госпожа’ — почтительное обращение к старшему по положению, статусу. В основном в текстах оно встречается в словосочетаниях *хаан авыгай* — ‘царь (букв. ‘царь господин’)', *кадын авыгай* — ‘королева (букв. ‘королева госпожа’)'.

Например,

— Мен-даа чайын болурга, сарыг-суг,

Кыш болурга, сарыг-быдаа

Дилеп келген кижы мен ийин,

Хаан **авыгай** — деп олуруп-тур.

(Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 84).

‘С наступлением лета, сыворотку,

С наступлением зимы, суп

Достать пришел,

Хан авыгай — говорит’

(перевод здесь и далее наш. — М. О.).

В современном тувинском литературном языке функционирует форма *агбай* в значении ‘друг, дружок’ в разговорной речи (Толковый словарь ..., 2003: 57), чаще всего в форме принадлежности 1-го лица единственного числа *агбай=ым*. Форма *авыгай* дана с пометой «*фольк.*» (фольклорное) (там же), что и подтверждают наши материалы.

Авыкай. Это слово по фонетическому звучанию и по форме близко к первому слову, однако в текстах ТГС оно встречается в составе словосочетания, называющее ‘дочь хана’. По данным словарей, слово имеет значение ‘почетный титул женщины — аристократки’ (Толковый словарь ..., 2003: 53); ‘девушка из знатной семьи; барышня’ (Татаринцев, 2000: 45). Слово является монголизмом и в монгольских языках, по данным Б. И. Татаринцева, выглядит: в старомонгольском *абагай* ~ *абахай*, монгольское *авхай*,

бурятское западное *абхай* со значениями ‘барышня’, ‘девушка знатного происхождения’, ‘дочь князя’, ‘сударыня (вежливое обращение к женщине)’ (Большой академический ... , 2001a: 32); ‘принцесса’, ‘дочь знатного человека, барышня’, ‘царевна’ (Татаринцев, 2000: 4).

Данное слово передает значение ‘дочь хана’ в тексте «Тоң-Аралчын-Хаан» в составе выражения *алдын авыкай даңгына*: ‘золотая дочь правителя красавица’. В данном сочетании слово *авыкай* используется как приложение.

Например,

*Баарга, артындан көөрге, ай херелдиг,
Мурнундан көөрге, хүн херелдиг
Алдын авыкай даңгына
Туттуна берген мындыг бооп-тур.
(Тыва маадырлыг тоолдар, 1990: 146).*

‘Когда подошел, если сзади посмотреть,
с лунными лучами,
Если посмотреть спереди,
То с солнечными лучами
Золотая дочь хана красавица была поймана’

Так, слово *авыкай* в текстах ТГС употребляется в значении ‘дочь правителя’.

Агбай. В тувинских словарях слово фиксируется как: 1. обращение к старшим по положению ‘го-сподин, госпожа’; 2. обращение с аффиксом принадлежности 1-го л. ед. ч. *агбайым* — ‘друг, дружище’ (Татаринцев, 2000: 51). В разговорной речи слово передает значение ‘пожилая женщина, баба’ (там же).

Б. И. Татаринцев полагает, что слово является монголизмом, но «более поздним, о чем свидетельствует отсутствие гласного на месте второго слога, что связано с его редукцией на монгольской почве» (там же) и монгольское *авгай* передает следующие значения: 1. ‘пожилая женщина; матушка’; ‘хозяйка дома’, ‘семейная женщина’ 2. ‘почтительное уважительное обращение к старшим’ (Большой академический ... , 2001a: 23).

В текстах ТГС данная лексема встречается в двух значениях: 1) ‘пожилая женщина’; 2) ‘почтительное обращение к старшим по статусу’. При почтительном обращении слово *агбай* встречается как один из компонентов сложных слов *хаан-агбай*, *кадын-агбай*. Например: *Кижиниң херек чок чүвези бар эвес, / Хаан-агбай — дээш, үжен үш дээрниң / Огун тө тудуп берип-тур* (Далай-Байбың хаан ... , 1994: 220) — ‘Человеку нужно все, / Хан-господин’ — сказав так, выложил стрелы тридцати трехслойного неба’.

А для обозначения пожилой женщины данное слово используется как приложение с существительным *кижи* — ‘человек’:

— *Даштыгаа маңнап чоруур ытты
Өгге олурар агбай киж
Мен канчап билир мен
(Алдай-Буучу: ... , 1993: 240).*

‘Откуда я могу знать,
Дома сидящая пожилая женщина [человек],
Собаку, бегающую на улице’.

Даңгына. В текстах ТГС слово *даңгына* передает значение ‘дочь хана’ (Татаринцев, 2002: 87), а древнетюркское *dakini* [< санскрит *dakini* — женское к *daKa*] передает значение ‘демонические существа’ (Древнетюркский словарь, 1969: 158). Источником появления слова *даңгына* в текстах ТГС является, согласно Б. И. Татаринцеву, монгольский народный эпос. И ученый полагает, что *dagini / дагина* — ‘богиня’, ‘фея, принцесса’ (Большой академический ... , 2001a: 18) проникло в монгольские языки через древнеуйгурское посредничество (Татаринцев, 2002: 87) в значении ‘красавица’.

В ТГС одним из типических мест является отправка главного героя в дальний путь за своей суженой, которую называют словом *даңгына*. Данное слово употребляется в составе стандартизированного выражения *ай, хүн херелдиг алдын даңгына* — ‘золотая красавица, излучающая лучи и солнца’ (букв. ‘золотая принцесса-красавица с лучами луны, солнца’).

Возможно, первоначально слово использовалось в значениях ‘красавица’; ‘принцесса’ и только со временем его семантика изменилась на ‘дочь хана’: *Ай-Хаанниң алдын даңгыназы* — ‘дочь Ай-Хана’ (букв. ‘золотая дочь Ай-Хаана’).

В настоящее время в современном тувинском литературном языке рассматриваемое слово расширило свое значение и передает значение ‘титованная красавица’, т. е. участник и победитель различных конкурсов красоты и молодости.

Мугулай [уь]. Данное слово встречается в текстах ТГС в составе выражения *бут шуглаар мугулай* и передает значение ‘жена’. Также у *мугулай* существуют другие значения: ‘совсем глупый, тупой’ (Толковый словарь ... , 2011: 374; Татаринцев, 2008: 174).

Однако слово *мугулай* в текстах ТГС как характеристика жены не употребляется, оно всегда встречается в составе устойчивого сочетания *бут шуглаар мугулай* — букв. ‘глупая, укрывающая ноги (мужу’. Б. И. Татаринцев считает, что в составе данного выражения слово *мугулай* сближается с основой монгольского глагола *мухлайдах* — ‘подвертывать, окутывать, завертывать’ в значении ‘укрывание ног’ (Большой академический ... , 2001b: 362) как проявление заботы по отношению к мужу (Татаринцев, 2008: 174).

Например,

— *Бут шуглаар мугулай деп чорааш,*
Ынчан өлүрүң ол бе?
(Тыва маадырлыг тоолдар, 1990: 168).

‘Так умереть хочешь
Из-за глупышки, укрывающей ноги’.

В современном тувинском литературном языке используется значение ‘совсем глупый, тупой’ (Толковый словарь ... , 2011: 374)

Тас. Слово *тас* передает значение ‘лысый, плешивый’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 408). В. В. Радлов отмечает, что слово *тас* передает несколько значений: ‘гладкий, голый, безволосый, плешивый’ (Радлов, 1905: 915). У Малова *tas* имеет значение ‘внешняя часть ч.-либо’ (Малов, 1951: 427). В древнетюркском словаре *tas* — ‘плохой, захудалый’ (Древнетюркский словарь, 1969: 539). В хакасском языке *тас* используется в значениях: ‘лысина, плешь’; ‘раб, слуга, пастух’ (Хакасско-русский словарь, 2006: 600).

В ТГС слово *тас* используется в значении ‘слуга, раб’.

«Эрелзей-Мергенниң күжүн билип келиңер» —
дээш,
Бодунуң шинчээчи ийи таз=ын чорудупкан.
Оон тас=тың бирээзи тургаш,
Хоржок-тур дээш, каң демир өрүм тып алгаш,
Орун дужундан өттүр
Өрүмнөп алгаштарның шинчиңге, ...
Эрниң экизи
Эрелзей-Мерген бооп-тур эвеспе аан (Алдай-Буу-
чу: Тыва маадырлыг тоолдар, 1993: 252).

‘Узнайте силу Эрелзей-Мергена – сказав,
Отправил [Кашпылдай-Мерген хан] своих
двух исследователей-слугов.
Потом один слуга сказал:
«Не получается» и нашел железный бурав,
И сверлил напротив кровати, исследовал,
Это был Эрелзей-Мерген, лучший из
мужчин’.

В настоящее время в современном тувинском языке данное слово обозначает лысину и голую, гладкую поверхность: *тас баш* — ‘лысая голова’. В разговорной тувинской речи можно встретить значение ‘пустой’: *мен шуут тас мен* — ‘у меня ничего нет’.

Как видим, слова *тас*, *даңгына*, ставшие архаизмами, в настоящее время возрождаются и в некоторых случаях передают в современном тувинском языке другие значения.

Историзмы

Из разряда историзмов все чаще встречаются в текстах героических сказаний слова *хаан* — ‘правитель’ и *тажы* — ‘сын правителя’, обозначающие титулы персонажей, они употребляются во всех текстах. Особо хочется отметить использование названия титула *каган*. Данное слово обнаружено в тексте ТГС «Хаан Караңгай», исполненным сказителем Байлаң Монгуш из Овюрского кожууна. Записано было Ч. О. Кара-Монгушем и М. Л. Даваа, и опубликовано в сборнике «Тыва улустуң тоолдары: Тываның тоолчуларының II дугаар следунуң материалдары» (Тыва улустуң тоолдары, 2012: 155–176).

Каган. *Qaγan* — ‘каган, верховный правитель, главный хан’ (Древнетюркский словарь, 1969: 443), ‘хан (главный)’ (Малов, 1951: 409); по В. В. Радлову, *каған* = *ka 'an*, *kān*, *kan*, *hanь* (Радлов, 1899: 71). *Каган* — древняя форма слова *хаан* — ‘правитель’ (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 321). Считается, что этимология слова является спорной, по Г. Рамстедту, слово является китайским заимствованием *ke kuan*, а по Т. А. Бертагаеву слово является заимствованием от жуань-жуаней (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 321).

В тексте «Хаан Караңгай» слово *каган* передает значение ‘верховный правитель’: *Ол хүннү бадыр чоруткаш, дүгш соонда Болчатылыг бора тейден харап кээрге, каган=ның кода хүрээзи көстүп кээп-тир эвеспе* (Тыва улустуң тоолдары, 2012: 160) — ‘После того, как он прошел целый день и стал обозревать с серой сопки Болчатылыг, то показалось государство кагана’. Это единственный случай использования древнетюркской формы слова **каган**.

Хаан. Слово передает значения ‘правитель’, ‘повелитель’, ‘предводитель’, ‘царь’, ‘хан’ (Сравнительно-историческая грамматика ..., 1997: 321), в монгольских языках ‘хан, царь, глава государства, правитель страны, монарх, император, князь’ (Большой академический ..., 2002: 2). Ученые полагают, что *qan* является стяженной формой от *qaγan* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 1997: 321). Также, по В. В. Радлову, *ka ʼan = kaγan, kʼan, kan* — ‘титуль великого хана Чингисова рода’ (Радлов, 1899: 71).

В текстах ТГС слово *хаан* передает значение ‘правитель’, встречается в большинстве случаев в составе многокомпонентных личных имен: *Ай-Хаан* — букв. ‘Луна-правитель’; *Хүн-Хаан* — букв. ‘Солнце-правитель’ и т. д.

В современном тувинском литературном языке слово используется в поэтическом значении ‘повелитель’: *сеткилимниң хааны* — ‘повелитель сердца’.

Тажы. По данным древнетюркского словаря, слово *tegin* является названием титула сына *хаана* — ‘титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи’ (Древнетюркский словарь, 1969: 547). В ТГС слово *тажы* используется в основном в составе изафетной конструкции¹ *хаанның тажызы* — ‘сын хана’.

Например,

Дүџште келген хаанның тажызы

Кежээге чедир ол уругну

Кайгап-даа олура хүнзээн чүвең иргин

(Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 161).

‘Пришедший в полдень сын хана

До вечера на ту девушку

Смотрел и целый день сидел’.

Точно также как *даңгына*, слово *тажы* в современном тувинском литературном языке приобрело значение ‘участник и победитель конкурсов красоты’.

Среди историзмов в текстах ТГС самым частотным является слово *хаан* — ‘царь, правитель’, который встречается как самостоятельная часть речи и как один из компонентов сложных антропонимов в сказаниях.

Названия военного оружия и атрибутов

Употребление в текстах ТГС названий военного оружия и атрибутики является обязательным, поскольку сюжет эпических произведений включает поединок и борьбу противников. Также при описании внешности главного героя используются слова, обозначающие военное оружие.

Архаизмы

Кадан [агъ] болут. Первая часть данного словосочетания *кадан* передает значение ‘закаленный о стали’ (Толковый словарь ..., 2011: 23); ‘закаленное железо’ (Татаринцев, 2004: 40). Б. И. Татаринцев допускает, что слово *кадан* может быть произведено и от тюркского *kat* — ‘становиться твердым’ (Этимологический словарь ..., 1997: 334), однако для других тюркских языков оно не характерно, следовательно, приходит он к выводу, исключение составляют сибирские тюркские языки, где распространены монголизмы (Татаринцев, 2004: 40).

Второй элемент *болут* передает значение ‘сталь, булат’ (Татаринцев, 2000: 240), ‘сталь особой закалки, булат’ (Толковый словарь ..., 2003: 274). В текстах ТГС выражение *кадан болат* — ‘закаленная сталь’ является устаревшим, хотя второй компонент в настоящее время в тувинском языке активно употребляется.

Тоң-Аралчын хаан кадан болут үлдүзү-биле

Моюннарын одура шапкылааш...

(Алдай-Буучу: ..., 1993: 160).

‘Тон-Аралчын хан со своим оружием

из закаленной стали оторвав шеи...’

Хылыш. Слово *хылыш* передает значение ‘меч, сабля’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 500). Данное слово встречается и в тюркских языках Сибири: алтайском — *qulyš*; шорском — *qulyš*; якутском — *qulyš*. В хакасском языке *хылыш* передает значение ‘меч, сабля, шашка’ (Хакасско-русский словарь, 2006: 890). В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» высказано предположение, что слово «*qilič* — ‘меч’ образовано от *qyl* — ‘делать, изготавливать, создавать’ — ‘изготовленное из металла’, также

¹Изафетная конструкция — грамматическая конструкция, характерная для семитских, некоторых западноиранских, тюркских языков, используется также в языках, испытавших влияние персидского (урду и др.).

образоподражание *qylš-qylš*» (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 570). В «Памятниках древнетюркской письменности» С. Е. Малова и древнетюркском словаре *qulyč, qilič* передает значение ‘меч’ (Малов, 1951: 416; Древнетюркский словарь, 1969: 442).

В ТГС слово *хылыш* передает значения: ‘меч’; ‘острый, железный’. В тексте ТГС «Эрелзей-Мерген, Ха-рагалзай-Мерген акышкылар» слово *хылыш* используется как прилагательное в значении ‘железный’ в составе выражения *каң хылыш даванныг аът* — букв. ‘лошадь со стальными железными копытами’.

Агдым ады каң хылыш даванныг

‘Имя моего коня будет

Хан-Шилги аът дээр боор чүве ийин — деп-тир

Хан-Шилги со стальными железными копы-

(Алдай-Буучу: ... , 1993: 266).

тами — сказал’.

Второе значение *хылыш* — ‘меч, сабля’ встречается в указанном тексте и используется как существительное, название холодного оружия:

Иениң азырап каан

‘Будем [сражаться] с двумя кулаками,

Ийи кызыл чудуруу-биле болур бис бе,

Которых мать воспитала?

Дарганнар таптап берген

Мастерами закованные

Каң хылыштары-биле болур бис бе?

Стальными мечами будем [сражаться]?’

(Алдай-Буучу: ... , 1993: 272).

Слово *хылыш* — региональное, распространенное в тюркских языках Южной Сибири, сохранившееся из древнетюркского языка.

Историзмы

Кавынды [аџ]. Слово, по данным тувинских словарей, передает значения ‘рожок, наполненный порохом и свинцом для быстрого заряжания ружья, средство для быстрой стрельбы’ (Толковый словарь ... , 2008: 14; Татаринцев, 2004: 27). Отрицая этимологию В. В. Радлова и М. Рясняна о том, что *камынды* и *камылды* — производные от *камын* — ~ *камыл* — ‘загораться’, Б. И. Татаринцев считает, что «исходная основа тув. *кавынды* < *кап-* (ы) *нды*, где *кап-* — указ. гл. основа вместе с алт. *хамынды* ‘патроны из костей, которые привязываются на шнурок и прикрепляются на груди’ является общетюрк. *кап* — в значении ‘хватать, ловить’» (Татаринцев, 2004: 27).

В текстах ТГС данное слово используется как прилагательное, характеризующее разновидность сосуда с узким горлом. Например, *Чүгүрген кижиде даа чүзү боор, эзирий хона берип-тир. Кавынды көгээржик ишти арагазын ийилээн дөгере ижип ап-тырлар.* — ‘Бегающий человек вдруг опьянел. Вдвоем выпили водку из рожкового сосуда с узким горлом’. В данном примере слово *көгээржик* (> *көгээр* + - *чик*), где *көгээр* передает значение: ‘кожаный сосуд с узким горлом для молочной водки’ (Татаринцев, 2002: 190).

Таким образом, слово *кавынды* используется в составе словосочетания *кавынды көгээржик* передает значение ‘рождкообразный’, т. е. ‘рождкообразный сосуд’.

Казыдак [аџ]. По данным словарей, слово передает значения ‘острый металлический наконечник для стрелы’ (Толковый словарь ... , 2011: 36), ‘широкая подвесная пряжка на тувинском поясе, служившая для подвешивания на ней огнива, трубки и т. п.; колчан, саадак, игольник; боевая стрела; большой нож с двумя лезвиями’ (Татаринцев, 2004: 65). Б. И. Татаринцев отмечает сходные формы *казыдак* среди лексем в алтайском, шорском, башкирском, киргизском, казахском языках, в образовании которых выделяется глагольная основа *кас* (ы)- ~ *каз* (ы) — ‘втыкать (ся), вонзать (ся); колоть (ся)’ (Татаринцев, 2004: 66). По данным толкового словаря тувинского языка под редакцией Д. А. Монгуша, *казыдак* является металлическим наконечником для стрелы (Толковый словарь ... , 2011: 37).

Данная лексема встречается в трех текстах: «Далай-Байбың-Хаан», «Найгы-Майгы маадыр» и «Карыш-Кулаш хаайлыг аъттыг Күре-Хевек». Сказителем первых двух текстов является Түлүш Баазанай из Улуг-Хемского кожууна, последнего текста – Агылдыр Монгуш из Сут-Хольского кожууна. У Тулуша Баазаная лексема употребляется в сочетании с прилагательным *карыш бистиг казыдак* — ‘острый металлический наконечник стрелы с лезвием с размером пядь (букв. ‘острый металлический наконечник стрелы, у которого лезвие длиной между концами раздвинутых пальцев – среднего и большого’), у Монгуша Агылдыра *хан сыспай казыдак* — ‘крепкий острый металлический наконечник стрелы’ (букв. ‘кроваво-крепкий, острый металлический наконечник стрелы’).

Карыш бистиг казыдакты

*Кезинге сарыг кадак баглааш,
Мурнунга суп берип турган иргин*
(Далай-Байбың-Хаан: Тыва маадырлыг тоолдар, 1994: 144).

*Тос кара папшты чаңгыс черге
сырыладып тургаш,
Эътке-сөөкке эмирилбес,
Чаг-сөөкке чаңчылбас хан сыспай казыдак*
(Тыва маадырлыг тоолдар, 2012: 71).

‘К части наконечника стрелы с лезвием размером с пядью,
Привязав кадак (кусок узкой мягкой шелковой ткани),
Вкладывал ему’.

‘Девять котелок в одном месте
Расплавив, сделал
Кроваво-крепкий, острый металлический наконечник стрелы’.

Кайбы ~ кайбыр ~ хайбыр ~ кайбыгыр. Слово передает значение ‘боевой (о стреле)’ (Татаринцев, 2004: 71), ‘далеко летящий, предназначенный для стрельбы на далекое расстояние (о стреле)’ (Толковый словарь ... , 2011: 40). Б. И. Татаринцев полагает, что слово *кайбыр* ~ *хайбыр* — монгольского происхождения (Татаринцев, 2004: 72).

Данное слово в текстах ТГС всегда встречается в составе выражения *кайбы кара хожуула*. В некоторых случаях используются варианты *кайбы=р кара хожуула* — ‘боевая черная стрела’; *кайбы=гыр кара хожуула* — ‘боевая черная стрела’; *хайбы=гыр кара хожуула* — ‘боевая черная стрела’. Использование вариантов в текстах ТГС зависит от способностей, индивидуальных особенностей сказителя, исполняющего героический эпос.

*Кадыг кара чазын чүктээш,
Хайбыр кара хожуулазын хоюлдуруктааш...*
(Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 179).

‘На спину сложив крепкий черный лук,
Класть за пазуху боевую черную стрелу’.

Кызытна [ыгъ]. В текстах ТГС данное слово используется в значении ‘разновидность лука (оружия)’ (Толковый словарь ... , 2011: 277). Возможно, на наш взгляд, основой слова *кызытна* является *qis-* — ‘укорачивать, уменьшать’, значение которого дается в древнетюркском словаре и этимологическом словаре тюркских языков (Древнетюркский словарь, 1969: 447; Этимологический словарь ... , 2000: 248).

В текстах ТГС данный вид лука описывается в уничижительной форме, он имеет маленький размер, соответственно, его обладателем всегда является бедный юноша. Например, *Моң ыяш эзеңгилиг, морзук кежи төрөпчилиг, кызытна чалыг, кыпсынчыг-чаржынчыг амытан бооп алгаш, элэңнедип-тендиңнедип чоруп олуруп-тур эвеспе (...)* — ‘Преобразовавшись в бедного человека, он шел, качаясь, имея при себе большие деревянные стремяна, барсучий чепрак, маленький лук’.

Мези [еъ]. Данная лексема имеет значение ‘холодное оружие, меч, нож’ (Толковый словарь ... , 2011: 342; Татаринцев, 2008: 97). В текстах ТГС данное слово проникло через монгольский язык, то есть является монголизмом *tese. Мэс / меса* — ‘холодное оружие (напр. нож, меч, топор)’ (Большой академический ... 2001b: 375).

— *Кылагайн ийи караан
Мурнап дежейн — дээш,
Дөрт мези демир-биле
...Чадап каан-дыр эвеспе он*
(Алдай-Буучу: ... , 1993: 107).

‘Сказав:
— Сначала выкалывать буду
Сверкающих двух глаз —
С четырьмя ножами железами...
Не смог’.

Саадак. Слово выражает значение ‘колчан, охотничья сумка’ (Толковый словарь ... , 2011: 596). В монгольском языке *саадак* передает значение ‘колчан (для стрел)’; *саадаг* — ‘колчан для стрел’, *сайдак* — ‘футляр для лука и стрел’ (Большой академический ... , 2001b: 60). Согласно М. Ряснену, *саадак* < монг. *saγa-daγ* и данное слово встречается в сибирских тюркских языках: алтайском *sa:daq*, якутском *sa:dax, sa:tah* (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 567). В текстах ТГС *саадак* встречается в составе словосочетания, где используются прилагательные *кара* и *чалчай*: *кара харгыи саадак* — ‘колчан черного цвета’, *чалчай саадак* — ‘жалкий колчан’. Первое словосочетание используется для описания образа главного героя, а второе прилагательное передает значение бедности, уничижения второстепенного образа.

На основании указанного, мы видим, что многие слова, обозначающие военное оружие, были заимствованы из монгольского языка (фольклора).

Названия предметов быта и утвари

В текстах ТГС встречаются архаичные названия предметов быта, домашней утвари.

Архаизмы

Була. Данное название посуды передает значение ‘неглубокая тарелка’ (Толковый словарь ... , 2003: 311), ‘тарелка’ (Татаринцев, 2000: 290). Данное слово является монголизмом и, согласно Б. И. Татаринцеву, тувинское слово *була* ближе к старомонгольской форме слова с гласным – *i* -, которое в последующем подверглось «перелому» *пял* (Татаринцев, 2000: 290), в значении ‘блюдец, тарелка’, ‘чашка, пиала’ (Большой академический ... , 2001b: 57).

В тексте «Алдын-Чаагай», сказителем которого является Тулуш Баазанай из Улуг-Хемского кожууна, слово *була* передает значение ‘тарелка’, в составе *чалбак сарыг була* — букв. ‘плоская желтая тарелка’ оно используется в значении ‘плоская тарелка’. В плоских и больших по объему посудах преподносят горячее мясо. В большинстве случаев для этого используется *дести* — ‘деревянная продолговатая посуда’.

*Чаглыг эддин дүлгеш,
Чалбак сарыг булазынга салып,
Омактыг-каткылыг,
Чугаалыг-сооттуг турган-даа
Угбазы чүвең иргин.
(Алдай-Буучу: ... , 1993: 121).*

‘Сварив жирное мясо,
И положив в плоскую желтую тарелку,
Веселой, смешной
Разговорчивой была его сестра’.

В словарях слово *дести* переводится как ‘корыто’, что не очень соответствует назначению.

Бумба. Слово, по данным словарей, передает значение ‘банка медицинская’ (Толковый словарь ... , 2003: 314; Татаринцев, 2000: 295). Б. И. Татаринцев отмечает, что рассматриваемое слово является монголизмом *бумба* — ‘кувшин, ваза’, ‘сосуд’, ‘урна’ (Большой академический ... , 2001a: 287).

В тексте ТГС «Хаан Караңгай», исполненном сказителем Байлаң Монгуш из Овюрского кожууна, слово *бумба* передает значение ‘кувшин’. Здесь слово *бумба* используется с прилагательным *алдын* — ‘золотой’ и в составе словосочетания *алдын бумбада аржаан* — ‘лечебная вода в золотом кувшине’.

*Честезиниң аскындыва алдын бумбада аржа-
анын кудуп, эмнээрге...
(Тыва маадырлыг тоолдар, 2012: 171).*

‘Наливая из золотого кувшина лечебную воду в рот зятя, так лечил’.

В настоящее время в современном тувинском языке слово используется как медицинский термин.

Названия частей тела человека

Архаизмы

Кашка [аъ]. В текстах ТГС слово *кашка* встречается в составе словосочетания *кашка дии* — ‘очень белый зуб’. Оно передает значения ‘очень белый (в частности о зубах)’ (Татаринцев, 2004: 55), ‘белый’ (Толковый словарь ... , 2011: 98). Е. Рагагнин отмечает, что обозначение белого цвета в наречии *туһа* используются не общетюркское слово *aq*, а тюркское *qaşqa*, изначально обозначающее животное с головой белого цвета и темным телом (Рагагнин, 2010: 143). Как отмечает С. Е. Малов в своём труде «Памятники древнетюркской письменности», *qaşqa* передает значение ‘пятно (на лбу лошади), звезда’ (Малов, 1951: 412). В его словаре приведено монгольское (XIII в.) *qalčaq* в значении ‘пятно на лбу лошади’ (там же). Такое же значение встречается в древнетюркском словаре *qaşya* — ‘белая отметина на лбу животного звездочка’ (Древнетюркский словарь, 1969: 431). По В. В. Радлову, *кашка* передает значения ‘лысый, плешивый’, ‘лысина’: *кашка баи* ‘лысая голова’ (Радлов, 1899: 394); ‘белое пятно на лбу лошади’ (Радлов, 1899: 395).

Маңнай. Слово передает значения ‘чело, лоб’ (Татаринцев, 2008: 74), *маңгаи* = *маңлаи* — ‘лобь’ (Радлов, 1911: 2008); по Э. К. Пекарскому, *тагнаи* = *маңнай* ‘сперва, наперед, прежде; вначале’ (Пекарский, 1958: 1500). Этимология слова является спорной. Существует точка зрения, что «монг. *таң-lai* ‘лоб’ считается алтайской параллелью (с локативным афф.)» (Сравнительно-историческая грамматика, 1997: 195). Г. Дерфер и С. Калужинский считают, что первоначальным значением рассматриваемого слова ‘лоб’ монгольского происхождения (Этимологический словарь ... , 2003: 40). Альтернативную точку

зрения предложил С. Рэсэнен, что *маңдай* как композит из двух основ тюркского происхождения *мэң* ‘мозг’ + *илай* ‘лоб’ (*māṅ* + *ilaj*) (там же).

В ТГС слово *маңнай* используется в составе стандартизированной фразы *маңнайында Мага-Хала бурган бүткен* — ‘на лбу сотворен образ бога Мага-Хала’, характеризую внешность главного героя в высокоом стиле.

Орай. Слово передает значения: ‘макушка’ (Толковый словарь ... , 2011: 459), ‘макушка, темя’; ‘лучшая часть чего-л.’ (Татаринцев, 2008: 324). В других тюркских языках *орай* ~ *урай* ~ *орой* — ‘макушка, темя; завиток волос, вихры на голове’ (там же). По этимологии слово заимствовано из монгольских языков, ссылаясь на Г. Рамстедта (Севортян, 1974: 473), на монгольском языке *oroī* / *орой* передает значение ‘вершина, верхушка, верх, макушка, темя’ (Большой академический ... 2001a: 490). Э. К. Пекарский отмечает, что *oroī* (древне-монгольское *орай*) — ‘темя, макушка’, ‘верхушка, макушка; темя’ (Пекарский, 1958: 1868).

В словарный состав ТГС слово проникло из монгольского фольклора (Татаринцев, 2009: 74) и оно употребляется с вышеуказанным словом *маңнай* в составе стандартизированной фразы при описании внешности главного героя: *Орайының кырында Очур-баанай дүрзүзү бүткен, маңнайының кырында Мага-Хала бурганның дүрзүзү бүткен* (Тыва маадырлыг тоолдар, 2012: 155) — ‘На макушке образован образ бога Очур-баанай, на лбу образован образ Мага-Хала’.

Использование указанных слов наряду с названиями божеств *Очур-баанай*, *Мага-Хала* может свидетельствовать о заимствовании из монгольского фольклора.

Заключение

Таким образом, в лексике ТГС устаревшие слова стилистически окрашивают язык героических сказаний, они свидетельствуют об архаичности эпических текстов. Обнаруженные слова в количестве 22 единиц являются наиболее активно употребляющимися словами в текстах ТГС. Они распределяются на следующие семантические группы: названия титулов и статуса персонажей, названия военного оружия и атрибутики героя, названия предметов быта, названия частей тела человека.

Многие устаревшие слова, которые относятся к названиям военного оружия и частей тела человека, являются монгольскими заимствованиями. И эти слова еще раз указывают на тесные многовековые историко-культурные контакты соседствующих народов. К общетюркской лексике относятся названия титулов и часть военной лексики.

Отдельные слова, такие, как *даңгына* и *тажы*, которые считаются устаревшими, развили свою семантику на почве тувинского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алдай-Буучу: Тыва улустун маадырлыг тоолдары [Алдай-Буучу: Тувинские героические сказания] (1993) / сост. С. М. Орус-оол : в 5 т. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 2. 288 с. (На тув. яз.).

Байыр-оол, А. В. (2013) Семантика форм =п-тыр и =п-тыр эвеспе в фольклорных текстах тувинского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (25). С. 4–7.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001a): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 1. 520 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001b): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 2. 536 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001c): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 3. 440 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2002): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 4. 532 с.

Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустун маадырлыг тоолу [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тувинское героическое сказание] (1995) / сост. С. М. Орус-оол: в 5 т. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 4. 224 с. (На тув. яз.).

Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Восточная литература. 145 с.

Далай-Байбың хаан: Тыва маадырлыг тоолдар [Далай-Байбын хан: Тувинские героические сказания] (1994) / сост. С. М. Орус-оол : в 5 т. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 3. 240 с. (На тув. яз.)

Древнетюркский словарь (1969) / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов и др. Л. : Наука. 676 с.

Кормушин, И. В. (2015) Черты эпического в древнетюркских эпитафиях // Российская тюркология. № 1 (12). С. 22–26.

Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М. ; Л. : Издательство АН СССР. 451 с.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М. : Макс Пресс. 422 с.

Пекарский, Э. К. (1958) Словарь якутского языка: в 3 т. М. : Акад. Наук СССР. Т. 1. Вып. 1–4. 1279 с.

Рагагнин, Е. (2010) О некоторых особенностях саяно-тюркских наречий Северной Монголии // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности / отв. ред. К. А. Бичелдей: в 2 ч. Абакан: Хакасское книжное издательство. Ч. I. 218 с. С. 140–145.

Радлов, В. В. (1899) Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб. : Типография Императорской академии наук. Т. II. Ч. 1. 1051 с.

Радлов, В. В. (1905) Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб. : Типография Императорской академии наук. Т. III. Ч. 1. 1259 с.

Радлов, В. В. (1911) Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб. : Типография Императорской академии наук. Т. IV. Ч. 2. 1116 с.

Севортян, Э. В. (1974) Этимологический словарь: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука. 768 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (1997) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 800 с.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. I. 341 с.

Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. II. 388 с.

Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. III. 440 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. IV. 442 с.

Татаринцев, Б. И. (2009) О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Татаринцев, Б. И. Избранные научные труды. Кызыл : ГУП РТ «Тываполиграф». 287 с. С. 68–82.

Толковый словарь тувинского языка (2003) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. 599 с.

Толковый словарь тувинского языка (2011) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. 798 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под. ред. Э. Р. Тенишева. М.: «Советская энциклопедия». 648 с.

Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания] (1990) : в 5 т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 1. 272 с.

Тыва улустуң тоолдары: Тываның тоолчуларының II дугаар следунуң материалдары [Тувинские героические сказания: Материалы II слета сказителей Тувы] (2012) / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 405 с. (На тув. яз.)

Хакасско-русский словарь (2006) / под. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука. 1114 с.

Хертек, А. Б. (2015) Категория пространства в тувинских фольклорных текстах (на материале героических эпосов и сказок) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 1. С. 326–329.

Хертек, Л. К. (2015а) К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. I. С. 188–190.

Хертек, Л. К. (2015б) Концепт «мать» в тувинских героических сказаниях // Мир науки, культуры, образования. № 6 (55). С. 341–345.

Шамина, Л. А. (2006) Формирование фонда аналитических скреп в тувинском языке (на материале фольклорных и современных художественных текстов) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. С. 21–49.

Шамина, Л. А. (2019) Лексема *шаг* 'время' и вопросы грамматикализации в тувинском языке [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 182–192. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/856> (дата обращения: 10.12.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Шанский, Н. М. (1972) Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение. 327 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» (2003) / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Наука. 446 с.

Дата поступления: 15.12.2019 г.

REFERENCES

Aldai-Buuchu: Tyva ulustung maadyrlyg tooldary [Alday-Boucho: a Tuvan heroic legend] (1993) / comp. by S. M. Orus-ool : in 5 vols. Kyzyl, Tuvan book publishing house. Vol. 2. 288 p. (In Tuv.)

Bajyr-ool, A. V. (2013) Semantika form =p-tyr i =p-tyr evespe v fol'klornykh tekstakh tuvinskogo yazyka. [The semantics of the forms =p-Tyr and =p-Tyr Avesta in Tuvan folklore texts]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 2 (25), pp. 4–7. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001a): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 1. 520 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001b): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 2. 536 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001v): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary] (2002): in 4 vols. / executive editor. G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.)

Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei: Tyva ulustun maadyrlyg toolu [Boktu-Kirish, Bora-Seeleei: A Tuvan heroic tale] (1995) / comp. by S. M. Orus-ool: in 5 vols. Kyzyl, the Tuva book publishing house. Vol. 4. 224 p. (In Tuv.)

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]*. Moscow, Vost. Lit. 145 p. (In Russ.)

Dalai-Baibnyng khaan: Tyva maadyrlyg tooldar [The Dalai Bibin Khan: Tuvan heroic legends] (1994) / comp. by S. M. Orus-ool: in 5 vols. Kyzyl, Tuvan publishing house. Vol. 3. 240 p. (In Tuv.)

Drevnetiurkskii slovar' [An old Turkic dictionary] (1969) / ed. by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.)

Kormushin, I. V. (2015) Cherty epicheskogo v drevnetiurkskikh epitafiakh [Features of the epic in ancient Turkic epitaphs]. *Rossiiskaia tiurkologiya*, no. 1 (12) 2015, pp. 22–26. (In Russ.)

Malov, S. E. (1951) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. Vol. 1. 451 p. (In Russ.)

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (tekstologiya, poetika, stil') [Tuvan heroic legends (textology, poetics, style)]*. Moscow, MAKS Press. 422 p. (In Russ.)

Pekarskii, E. K. (1958) *Slovar' iakutskogo iazyka [Dictionary of the Yakut language]*: in 3 vols. Moscow, AN SSSR Publ. Vol. 1. Issue 1–4. 1279 p. (In Russ.)

Ragagnin, E. (2010) O nekotorykh osobennostyakh sayano-tyurkskikh narechii Severnoi Mongolii [Some features of the Sayan-Turkic dialects of Northern Mongolia]. In: *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennosti i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu tuvinskoi pis'mennosti [Tuvan writing and research issues of writing and written monuments in Russia and the Central Asia. Materials of the international research conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan writing]*. Ed. by K. A. Bicheldey, in 2 parts. Abakan, Khakass publishing house.. Part I. 218 p. Pp. 140–145. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1899) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii [An attempt at a dictionary of Turkic dialects]*: in 4 vols. St. Petersburg, Printing House Of The Imperial Academy Of Sciences. Vol. II, part. 1. 428 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1905) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii* [An attempt at a dictionary of Turkic dialects]: in 4 vols. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Vol. III. Part 1. 1259 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1911) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii* [An attempt at a dictionary of Turkic dialects] : in 4 vols. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 107 p. Vol. IV. Part 2. 1116 p. (In Russ.)

Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar': Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye* [An etymological dictionary: common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (1997) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 341 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2 (Д, Ё, И, Ы). 388 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. III: К, Л. Novosibirsk, Nauka. 440 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2008) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. 442 p. (In Russ.)

Tolkovyi slovar' tuvinskogo iazyka [An Explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. 599 p. (In Russ.)

Tolkovyi slovar' tuvinskogo iazyka [An Explanatory dictionary of the Tuvan language] (2011) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. 798 p. (In Russ.)

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.)

Tyva maadyrlyg tooldar [Tuvan heroic tales] (1990): in 5 vols. / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publishing house. Vol. 1. 272 p. (In Tuv.)

Tyva ulustung tooldary [Tuvan heroic tales]: Materials of the second meeting of the Tuva storytellers (2012) / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 405 p. (In Tuv.)

Khakassko-russkii slovar' [A Khakass-Russian dictionary] (2006) / ed. by O. V. Subrakov. Novosibirsk, Nauka. 1114 p. (In Russ.)

Hertek, A. B. (2015) *Kategoriya prostranstva v tuvinskih fol'klornykh tekstah (na materiale geroicheskikh eposov i skazok)* [Category of space in Tuvan folklore texts (based on heroic epics and fairy tales)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 1, pp. 326–329. (In Russ.)

Hertek, L. K. (2015a) *K voprosu o lingvisticheskom analize epicheskikh tekstov* [On the issue of linguistic analysis of epic texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* no. 12 (54): in 4 parts. Part I, pp. 188–190. (In Russ.)

Hertek, L. K. (2015b) *Kontsept "mat" v tuvinskih geroicheskikh skazaniyah* [The concept of "mother" in the Tuvan heroic legends]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6 (55), pp. 341–345. (In Russ.)

Shamina, L. A. (2006) *Formirovanie fonda analiticheskikh skrep v tuvinskom yazyke (na materiale fol'klornykh i sovremennykh khudozhestvennykh tekstov)* [The formation of a fund of analytical texts in the Tuvan language (based on folklore and texts of contemporary fiction)]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. Vol. 18, pp. 21–49. (In Russ.)

Shamina, L. A. (2019) *Leksema shag "vremya" i voprosy grammatikalizatsii v tuvinskom yazyke* [The lexeme shag (time) and issues of grammaticalization in the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/856> (access date: 15.12.2019) (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Shanskij, N. M. (1972) *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie. 327 p. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «K̇» [An Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic lexical bases, letters "K" and "K̇"] (1997), comp. by L. S. Levitskaia et al. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. Vol. V. 368 p. (In Russ.)

Submission date: 15.12.2019.